

Глава 2

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

§ 1. Сельское хозяйство

Становление абсолютистского государства еще более усилило традиционное вмешательство государства в развитие экономики и это было необходимым условием форсированных темпов развития.

Великая деятельность великого государя была поистине всеобъемлющей. Даже такая неуправляемая сфера жизни общества, как сельское хозяйство, оказалась также предметом его внимания. Важнейшая мера Петра — внедрение в практику жатвы хлеба вместо традиционного серпа — литовской косы, косовище которой было длинным и удобным, а над косою укреплены длинные захваты для плавного переноса скошенных стеблей ржи или пшеницы в валок. При этом экономия труда была десятикратной, и такая коса за несколько десятилетий действительно стала широко распространенным орудием, но лишь в черноземных и степных районах. Царь распорядился разослать по губерниям несколько тысяч «литовок», а также и умельцев из прибалтийских крестьян.

Другим важным новшеством Петра I было упорное и настойчивое внедрение новых пород скота (рогатый скот из Голландии). Для производства тонких высококачественных сукон, в которых нуждалась и армия и верхи общества, шерсть российских овец не годилась. Поэтому в первой четверти XVIII в. правительство постоянно выписывало меринских баранов из Испании и Силезии. Было организовано большое число овчарных заводов (особенно в Азовской губ.), разработаны правила содержания, кормления, стрижки овец и т.п. С 1722 г. казенные овчарни стали передаваться в частные руки. Такая раздача проводилась иногда и насильственно. В 1726 г. только на Украине число овец достигло 130 тысяч голов. Однако большая часть из них, видимо, была местных пород и шерсть от них шла лишь на армейские нужды.

Казна энергично организовывала и конские заводы (в Азовской, Киевской и Казанской губерниях). В Астрахани в 1720 г. был устроен конский завод лошадей черкасской и персидской породы. Постепенно умножалось число и частных помещичьих конских заводов с «персидскими», «немецкими», «ногайскими», арабскими породами лошадей.

Большие усилия предприняла казна для резкого расширения посадок на юге страны тутовых деревьев и разведения шелковичных червей. Были основаны шелковые «заводы» в Москве и под Царицыном, плантации — под Киевом, Астраханью и на Северном Кавказе.

Наконец, при Петре I были предприняты первые попытки государственной охраны лесов. В 1703 г. было запрещено рубить лес толщиной в полметра в пределах 50-ти верстной прибрежной зоны больших рек и 20-верстной малых рек. Штраф полагался за рубку огромный — 10 рублей. Для нужд населения разрешены были рубки таких пород леса как ольха, ива, ясень, орешник и липа. В 1712, 1715, 1720 гг. вышли указы, полностью запрещающие рубку леса в пределах Новгородского, Торопецкого, Старорусского, Луцкого уездов, по берегам Мсты, Свири, Невы и Финского залива. В 1719 г. лесами стало ведать Адмиралтейство, а в 1722 г. была введена должность вальдмейстера в районах крупных лесных массивов.

Дефицит рабочего времени русского крестьянина. Вместе с тем меры, предпринятые Петром I в отношении сельского хозяйства, имели лишь частичный успех. В конце XVII — первой половине XVIII вв. для этой, важнейшей сферы производства, как и в предшествующие столетия, был характерен низкий уровень развития, продиктованный сугубо объективными суровыми природно-климатическими условиями. Главное из них заключалось в очень коротком рабочем сезоне в земледелии (по старому стилю — с конца апреля до середины сентября). За этот период крестьянин должен был вспахать, заборонить яровое поле, посеять зерно и заборонить или запахать его, вывезти на паровое поле навоз, разбросать и запахать его, почистить луга, произвести сенокосные работы и убрать сено, вспахать паровое поле, посеять озимь, наконец, сжать и убрать урожай. На все это, исключая воскресные дни, природа отвела русскому крестьянину примерно 130 дней, из них около 30 дней уходило на сенокос. При минимальном соблюдении правил агрикультуры обработки земли и заделки семян семья из четырех человек при одной лошади могла обрабатывать очень небольшое по размеру поле: около 2,5 десятин (га) в яровом и озимом клину. Увеличить площадь пахоты можно было лишь резко ухудшая обработку земли и заделку семян.

Обычно на нечерноземных просторах Центральной России при этих условиях урожайность была очень низкой. Урожай считали в «самах»: сколько одно семя («сам») дает урожайных зерен. В частности, в Ярославском уезде в конце XVII в. урожай ржи был от сам-1,0 до сам-2,2, овса — от сам-1,0 до сам-2,7, ячменя — от сам-1,6 до сам-4,4. В Костромском уезде рожь давала урожай от сам-1,0 до сам-2,5. В плодородных вкраплениях почвы северных краев рожь имела урожай сам-3,6, овес — до сам-2,7, а в районе Кирилло-Белозерского монастыря в 70—80-е годы XVII в. урожай ржи местами доходил иногда до сам-10, овса — до сам-5, а ячменя — до сам-6. В Нижегородском крае в первой четверти XVIII в. урожайность ржи в монастырских вотчинах в большинстве случаев колебалась от

сам-2 до сам-2,5. Максимальный сбор овса достигал сам-2,5, но чаще сам-2. Из яровых урожайнее был ячмень (сам-3).

В XVIII в. по Вологодскому Северу рожь давала от 2 до сам-2,7, иногда до сам-4,2; овес — от сам-1,5 до сам-2,8; ячмень — от сам-1,3 до сам-6, иногда до сам-10. Столь печальную ситуацию усугубляли коварные ранние осенние и поздние весенние заморозки, губившие урожай и весенние всходы.

Если среднюю плотность высева ржи определить в 12 пудов на десятину, то чистый сбор (за вычетом семян) составит при урожае сам-2 всего 12 пудов с десятины, а на семью в 4 человека, имеющую посев в двух полях в 2,5 десятины — 15 пудов ржи. При той же урожайности семья получит овса около 16 пудов. Поскольку овес в яровом поле занимал до 70% площади, то львиная доля чистого сбора, состоящая из ржи и овса, составила бы 28 пудов. При средневековой норме питания в 24 пуда на взрослого едока такой запас зерна чудовищно мал и означал лишь голод. При урожае в сам-3 чистый сбор на эту же семью составил бы 56 пудов, а с ячменем — 64 пуда. При нормальном питании этого хватало на 2,7 полных едока. Следовательно, лишь сокращая норму питания, семья могла свести концы с концами. Однако предложенный здесь расчет не учитывает подкормку зерном или мукой скота, а за этот счет норма питания еще более уменьшалась. В итоге крестьяне должны были налегать на пустые щи, квашеную капусту, репу, редьку, квашения из ботвы свеклы, моркови, весной варили щи из сныти и т.п.

Дефицит кормов для скота. Казалось бы, выход мог быть простой — лучше удобрять землю и повышать урожайность. Однако в историческом центре России стойловое содержание скота было необычайно продолжительным, а в суровые зимы калорийность кормов должна быть чуть ли не втрое больше, чем летом. Не следует забывать, что XV—XVIII вв. были по климату «малым ледниковым периодом». В лютые морозы молодняк скота и птицы приходилось держать в избах.

В то же время сенокос, вклиниваясь в земледельческие работы, занимал всего 20—30 дней, лишая крестьянина возможности заготовить нужный запас сена. Трагический парадокс русского крестьянина и земледельцев других народов Центра Русского государства заключался в том, что при изобилии луговых просторов заготовка кормов в силу обстоятельств сводилась только к минимуму. Поэтому крестьянин обычно имел мало скота, а следовательно, и мало удобрений. Поэтому для концентрации рабочих рук семьи крестьян нередко не разделялись: отец и мать жили со взрослыми женатыми сыновьями или с семьями дочерей, увеличивая таким образом число рабочих рук и несколько укрупняя хозяйство.

Для восполнения ущерба от низких урожаев на неплодородных полях трехполья широко практиковались, как и в прежние века, подсека и лесные рощисты, сопровождавшиеся сжиганием поваленного лесного материала. Обогащенная калием почва давала 2—3 года большие урожаи, правда, с последующим резким падением плодородия, вынуждавшим крестьян к новым расчисткам леса. Такие работы велись практически постоянно и требовали объединенных усилий крестьянской общины.

Таким образом, путем величайших усилий русское крестьянство создавало необходимые условия жизни огромного социума. Однако на протяжении веков это был, как уже говорилось, социум с очень ограниченным совокупным прибавочным продуктом.

Малое плодородие большей части почв, предельно короткий рабочий период для сельскохозяйственных работ заставляли почти все общество заниматься земледелием. Земля, так сказать, цепко держала все население в своих руках, что резко тормозило процесс отделения промышленности от земледелия, замедляло развитие городов, торгово-ремесленных посадов и селений, наглухо тормозило образование рынка рабочей силы.

В этих условиях единственным способом гармоничного развития экономики и социума было создание промышленности самой государственной властью. Начало этому процессу было положено еще при первых Романовых основанием крупных железодельных предприятий, являвшихся своего рода концессиями иностранного капитала, а также созданием казенных служб в металлообработке и производстве оружия. Однако все это имело достаточно скромные масштабы и не могло быть средством для стремительного промышленного развития. В начале царствования Петра I задача такого развития страны стала острой необходимостью.

§ 2. Роль государства в развитии крупного производства

Стратегические цели молодого царя, связанные с задачей выхода страны к морю и развития эффективной торговли, можно было реализовать только средствами победоносной войны, а боеспособность армии в эту эпоху уже напрямую зависела от уровня экономики и прежде всего от степени развития металлургической, текстильной, суконной и других отраслей промышленности.

Царь строит заводы. Поэтому первые годы XVIII в. связаны с активным строительством «железных заводов», почти на каждом из которых делали пушки, ядра и т.п. В дополнение к старым заводам XVII в. в 1702—1707 гг. строятся Липецкие, Козминские и Боринские заводы с общей численностью более 500 чел. рабочих и мастеровых людей. В Карелии в 1703 г. строятся столь же крупные Петровский завод и Повенецкий завод. Чуть

позднее, в 1704—1705 гг. появился Кончезерский завод, а в Белозерском уезде — Тырпицкие заводы боеприпасов. Обонежские Устрецкие заводы Бутенанта были переведены в казну и перестроены. Правда, все эти заводы использовали отнюдь не богатые руды, да и качество металла было не лучшим, зато их большая или меньшая близость к театру военных действий имела неоценимое значение. Там же, на севере России заведено было медеплавильное производство.

Одновременно правительство Петра I развертывает строительство металлургических заводов на Урале. В 1700 г. основаны строительством Невьянский и Каменский заводы, с 1702 г. стал действовать Уктусский железный завод, в 1704 г. Алапаевский завод. Наконец, в 1704 г. в далеком Нерчинске был основан крупный завод по добыче серебра, что имело огромное значение для будущего развития монетного дела и экономики страны. В итоге этого строительства была создана основа для кардинального оснащения армии мощной артиллерией и другими видами оружия. Уже после окончания Северной войны в 1723—1725 гг. была построена новая группа уральских заводов (Екатеринбургские заводы, Толмачевский и Аннинский железные заводы), что выдвинуло Россию в число крупнейших производителей черных металлов (третье место в Европе). Строительство железных заводов было дополнено созданием крупных верфей в Петербурге, Воронеже (Таврове), Москве, Архангельске, на Олонце и Сяси. К 1715 г. только на Петербургской верфи работало свыше 10 тысяч человек.

Дефицит наемных рабочих. Этот успех дался России немалой ценой. Ведь в стране, получающей низкие урожаи, почти всегда была постоянная потребность к расширению сферы земледелия, но увеличить пашенные угодья можно было только увеличивая число крестьян-земледельцев. Поэтому рынок труда в области промышленности практически отсутствовал. В первые годы строительства заводов основным резервом рабочей силы был слой пауперов, так называемых «гулящих людей», в силу тех или иных причин, оторвавшихся от хозяйства, крестьянской общины и т.п. Однако этих ресурсов не хватало, так как металлургическое производство требовало огромного количества вспомогательных работников с частичной занятостью на заводских работах. Государство еще в XVII в. решило эту проблему путем применения грубого насилия, принуждения, путем «приписки» государственных крестьян к заводским работам в счет уплаты государственных налогов и выполнения натуральных повинностей. В первой четверти XVIII в. на Урале число «приписных крестьян» достигло 25 тыс. душ муж. пола. Положение их было очень тяжелым. Ведь только до места работы многим приходилось проделывать путь до 100—200 верст, покидая свое хозяйство на 4 и более месяцев в году.

Государственная власть играла решающую роль в форсированном развитии крупного производства. В 1719 г. для руководства промышленностью создается Мануфактур-коллегия, а для горной отрасли — специальная Берг-коллегия (первоначально — Берг-привилегия). Оба ведомства следили за качеством продукции. Берг-коллегия особое внимание уделяла поиску руд, поощряла рудоискателей и рудознатцев, ссужала строительство горнорудных заводов.

Особую роль обе коллегии играли в развитии частного производства. Они ссужали предпринимателей на льготных условиях, освобождали числящихся в посадских людях и купцов от государственных служб («тягловые» натуральные повинности). Существенную роль коллегии играли в обеспечении предприятий рабочей силой. Они вербовали по контрактам иностранных специалистов, организовывали обучение за рубежом и т.д. Все функции коллегий отражены были в особых документах — «регламентах». В необходимых случаях государственные ведомства способствовали передаче и казенных заводов в частные руки (как, впрочем, и возврат в казну). Так, один из первых уральских заводов (Невьянский) уже в 1702 г. был передан Никите Демидову.

Частные заводы. Частное строительство металлургических заводов началось еще в конце XVII в. При Петре I оно велось как в центре страны, так и на Урале и в Сибири. В 20-е годы на Урале резко возросло число медных заводов. Казна на базе богатых месторождений меди в Кунгурском у. построила в Верхотурском у. Ягушихинский завод, крупный Лялинский медный завод, а также Вышне- и Нижне-Пыскорские медные заводы и Полевский медный завод. В это же время на Урале появились и частные медные заводы.

В центре страны небольшие частные и «компанейские» железные заводы появились в самых разных районах: в Боровском и Малоярославецком уездах два завода Меллеров, их же «меньшовский» старый завод в Оболенском уезде, в Лихвинском у. завод крепостного человека Одинцова, в Муромском у. два завода Александра Халтурина, в Переяслав-Рязанском у. три завода Якова Рюмина, Льва Логинова и К.Семенникова, и др.

Всего в пределах центральной России в первой трети XVIII в. возникло свыше 28 частных и компанейских и 7 казенных железных заводов, один казенный и два компанейских медных заводов. На Урале же около полутора десятков медных казенных и частных заводов, около десятка частных и пять казенных железных заводов. В Петербурге, на Левобережной Украине и Подмоскowie развилось довольно крупное производство пороха.

Таким образом, страна совершила за четверть века громадный скачок в своем экономическом развитии, создав огромную отрасль мануфактурной промышленности с использованием энергии воды — металлургическое производство.

Продажа крестьян на фабрики. Практика использования «приписных крестьян» на частных заводах не решала всех проблем. Владельцы мануфактур все чаще требовали закрепления и квалифицированных рабочих за производством. Нанятые государством многочисленные иностранные специалисты были в России лишь временно. Постепенно создавались свои кадры высокой квалификации, но их было мало. В конечном итоге в 1721 г. впервые недворянам (а это основная часть заводовладельцев) дано было право покупки крестьян «к фабрикам». Так постепенно стала формироваться категория «посессионных крестьян» (название это появилось много позже, а тогда их называли «купленными»). Они были навечно закреплены за конкретным заводом или фабрикой, независимо от того, что сам владеец завода мог смениться. Такой способ закрепления рабочей силы не всем был по силам, и дело кончилось тем, что в 1736 г. был издан указ, навечно закрепивший всех наемных работников за теми предприятиями, где они были в момент издания указа. В итоге в промышленности (и не только в металлургии, но и во всех отраслях крупного производства) стал господствовать подневольный крепостной труд.

Текстильные мануфактуры. В первой четверти XVIII в. в силу резкого увеличения численности армии и флота быстрыми темпами стала развиваться текстильная и особенно парусно-полотняная промышленность. В частности, казной была создана в Москве адмиралтейская парусная фабрика, на которой работало более тысячи человек, в том числе около 350 ткачей, около 300 утошников, свыше 140 чесальщиков и самопряльчиков. В Москве также было большое количество ткацких «мануфактур» частных компаний (штофная, позументная, пять полотняных, пять лентовых, пять каразейных, три суконных, чулочная, каламянковая, платочная и т.д.). В 20-х годах XVIII в. число текстильных мануфактур достигло 40 (из них 24 только в Москве). Ряд казенных предприятий был передан купеческим компаниям, иногда принудительно созданным государством (Суконный двор в Москве в 1720 г. был отдан компании Щеголина, Полотняный скатертный завод — в 1711 г. компании А. Турчанинова). Среди владельцев было и дворянство, и новая знать (А.Меншиков, А.Макаров, Ф.Апраксин, П.Шафиров, П.Толстой и др.). Некоторые частные фабрики были весьма крупными предприятиями (например, шелковая мануфактура Ф.Апраксина в Москве имела более 200 ткацких станов, в 20-х годах переданная из казны полотняная мануфактура И.П.Тамеса имела более 300 станов). Полотняная мануфактура Затрапезных насчитывала 250 ткацких станов. Парусно-полотняное производство постепенно появлялось и в других регионах.

Под влиянием войны и армейских нужд в первой четверти XVIII в. зарождалось и суконное производство. В 20-х годах на Московском суконном дворе работало свыше ты-

сячи человек. Крупное суконное производство возникло в Казани, Липецке и в Путивльском уезде.

За весь период деятельности Петра Великого в России возникло около 180 сравнительно крупных мануфактур, половина из которых принадлежала казне. Важно подчеркнуть, что Мануфактур и Берг-коллегии допускали к строительству заводов и фабрик людей всех чинов и званий. Нужды крупного металлургического и текстильного производства, строительства крупнейших верфей в Петербурге, Воронежском краю, в Москве и т.д. вызвали к жизни целый ряд химических предприятий.

Квалифицированные рабочие мануфактур, практически полностью оторванные от натурального крестьянского хозяйства, получали плату за свой труд. Однако эта оплата не имела ничего общего (при полном внешнем сходстве) с капиталистической заработной платой, ибо платили крепостным, подневольным рабочим, а сама оплата являлась как бы компенсацией утраченных прав на жизненные средства, которые тот или иной работник в прошлом всегда имел в собственности как крестьянин. На металлургических заводах ученики получали в год 12—17 руб., квалифицированные русские работники 15—18 руб., иногда до 30 руб. Работники высокой квалификации получали в год на сдельной работе от 70 руб. и более. Годовые оклады достигали 100—120 руб. В текстильной же промышленности прядильщик шерсти делал в день 2 фунта пряжи, получая в год от 9 до 20 руб. Ткач получал в год от 17,7 до 23,5 руб.

Однако сравнительно высокая оплата не шла ни в какое сравнение с теми тяжелыми условиями труда, какие существовали на мануфактурах. В среднем за год длина рабочего дня составляла чуть более 12 часов. У домны и ковалных горнов работали сутками. К этому следует добавить жестокую палочную дисциплину, телесные наказания и т.д. Таковым был крепостнический режим, ценою которого страна шла к своему могуществу.

§ 3. Мелкое производство и ремесло в петровской России

Говоря о процессе отделения промышленности от земледелия, не следует забывать о специфичности условий России как внутриконтинентальной страны с низким объемом совокупного прибавочного продукта, как страны, основой хозяйства которой было главным образом земледелие. Хозяйствуя в суровых климатических условиях, население страны не могло довести земледелие до той степени эффективности, когда значительная часть людских ресурсов могла бы переключиться с земледелия на занятия ремеслом, стать горожанином и т.п. Отсюда сравнительно скромные темпы развития ремесла и роста самого городского населения. Городской ремесленник в значительной мере был связан с

земледелием, имел огород, скот, иногда сеял зерновые, косил сено, ловил рыбу и т.п. На темпы развития городского ремесла сдерживающим образом влияло то обстоятельство, что сельский житель, имея громадное количество времени (6—7 месяцев в году), лишь частично идущее на воспроизводство крестьянского хозяйства, также занимался промышленным трудом либо у себя дома, либо отходя в города, крупные промышленные районы и т.п. В итоге предложение ремесленного труда часто было больше спроса. Нередко заказы на изделия были лишь от случая к случаю. Все эти факторы существенно влияли на темпы и характер социально-экономического развития России.

Сравнительно небольшие, сосредоточенные не только в северо-западной части России, но и во многих районах центра страны «гнездоватые» и болотные железорудные месторождения давно уже стали основой для традиционных крестьянских промыслов и ремесленных занятий горожан. В одной только Галицкой провинции в 1724 г. было обнаружено свыше 500 ручных домниц и горнов. Множество их было в Карелии и других местах. Кузнечное и плавильное дело было сосредоточено в ряде промысловых сел (Ворсма, Павлово, Норская слобода и др.) и городов (Устюжна Железопольская, Тихвин, Белоозеро, Галич, Серпухов, Дедилов, Тула, Елец, Липецк, приуральские города и т.д.). В большинстве своем изделия городских и сельских ремесленников — это предметы домашнего обихода и крестьянского хозяйства. Однако на базе железных промыслов в некоторых центрах идет «вторичная», более узкая специализация. В Ярославле особо развивается производство медной, оловянной посуды, литье колоколов. В Павлове многочисленны замочки, ножевицы. В Туле и Москве издавна сосредоточено оружейное дело, в Твери — ковка гвоздей. С основанием Петербурга там сильно развивается корабельное дело и производство корабельных снастей. В Москве и ряде других центров сильно развивается серебряное и ювелирное дело. В конце первой четверти XVIII в. в Москве сосредоточено было около 7 тыс. ремесленников, не считая пришлых из села на заработки. Даже в Петербурге в это время было уже свыше 2,5 тысяч ремесленников. Большое число ремесленников было в Ярославле, Нижнем Новгороде, Туле и др. городах.

Цеховое устройство ремесла. В 1722 г. в России было введено цеховое устройство. Не все понятно в причинах такого шага государства. Ведь в Западной Европе цехи в этот период уже были архаикой. Не исключено, что цеховое устройство ремесла было в этот период одним из путей завершения формирования сословного строя общества, ликвидации архаичного сословия «посадских людей», закрепощенных самодержавием. Немаловажным, видимо, было и стремление государства создать систему контроля за качеством ремесленной продукции. Ведь отныне мастер обязан был ставить личное клеймо на

изделии. Важнейшим следствием цеховой структуры ремесла было упорядочение практики ученичества. При Петре I ученичество приняло огромное распространение.

Однако усилия властей по организации городского ремесла в значительной мере ослаблялись вследствие развития крестьянских промыслов. В межсезонье города России принимали значительную массу мастеров-сезонников из деревни. Казна стремилась упорядочить мелкое производство, издавая указы с разрешением деятельности того или иного заведения (так называемое «указное производство»). «Неуказные» же могли преследоваться казной.

Давление на городское ремесло сильнее всего ощущалось в текстильных промыслах. Стремясь резко увеличить экспорт холста и полотна, правительство в 1715 г. запретило крестьянам ткать узкий холст (а широкий ткать они не могли из-за крайней тесноты в избе), но уже в 1718 г. был сделан шаг навстречу крестьянским интересам и некоторые разновидности узких холстов были легализованы. В городах и промысловых селах помимо холста выделывали полотна и ткани самых разных сортов (каламянки, понитки, пестреди и т.п.).

Широко распространена была выделка домашних серых сукон, особенно в южно-русских и украинских регионах. В мелком производстве выделывали не только сермяжное (грубое) сукно, но и такие материалы из шерсти, как каразья, камлот, стамед и др.

Еще в XVII в. в России стала развиваться выделка кож для экспорта через Архангельск. Это была так называемая юфть — гладкая выделанная кожа крупного скота белого, красного, синего, черного и других цветов, а также сафьян из овечьей и козлиной кожи, подошвенные кожи и т.п. Спрос на эти кожи в Европе был очень большим. Делали ее главным образом в Ярославле, куда буквально «по крупинке» свозили зимним путем огромное количество невыделанных кож. В первой четверти XVIII в. в связи с открытием Петербургского порта ареал распространения кожевенных «заводов» стал расширяться. Они появились в Осташкове, Суздале, Владимире, а также в Среднем Поволжье (Нижний Новгород, Арзамас, Казань, Чебоксары и др.). Много кожи закупала казна на армейское обмундирование.

В числе массовых ремесел была выделка мехов и шкур. По всей центральной России в городах и селах выделывали шкуры волков, лисиц, корсаков, зайцев, не говоря уже о более дорогих мехах белки, куницы, бобра и т.д. Шубы и шапки, мерлушка на разные цели из овец романовской породы были на торгах и ярмарках многих городов страны. Массовым ремеслом было сапожное дело. В одной только Москве в 20-х годах XVIII в. было

около 1,5 тыс. сапожников; большой спрос был на кожаные кошельки, ремни, портупей, конскую сбрую и упряжь.

Важно отметить, что география промыслов по обработке кожи отчасти совпадала с основными маршрутами прогона скота из южнорусских и украинских районов к главным торгово-промышленным центрам страны. Много скота забивали в ближнем регионе Подмосковья (Калуга, Кашира, Зарайск и др.), а также в направлении городов Верхнего и Среднего Поволжья. Здесь же множились и «попутные промыслы» в виде салотопен, мыловарен, свечных заводов и т.д. (особенно много салотопен было в Татарии и Чувашии, расположенных на маршрутах прогона скота из калмыцких, оренбургских, башкирских степей и т.п.).

§ 4. Торговля

Внутренняя торговля на базе географического разделения труда в значительной мере опиралась на торговлю зерном. В начале XVIII в. главный зерновой поток был связан с Москвой и Московским регионом. По Оке и Москва-реке зерновые товары, пенька, конопляное масло, мед, сало, шкуры и т.п. доставлялись сюда из ближайшего Черноземья. Хлебный поток через Нижний Новгород и Вышневолоцкий канал устремился и к Петербургу. В центральные губернии шел хлеб из Поволжья. С Украины в центр страны везли пеньку, шерсть, сало и другие продукты животноводства, а также воск, поташ, селитру.

Внутренняя торговля петровской эпохи, как и в XVII в., состояла из нескольких уровней. Низший ее уровень: сельские и уездные торжки, куда один, реже два-три раза в неделю съезжалось крестьянство, мелкое местное купечество. А высший уровень торговли — оптовая торговля крупного купечества. Основными проводниками ее были ярмарки. Важнейшие из них в первой четверти XVIII в. это Макарьевская ярмарка под Нижним Новгородом и Свенская ярмарка у стен Свенского монастыря близ Брянска.

Разумеется, наряду с ними функционировала огромная сеть мелкой ярмарочной торговли по всей России. Однако насыщенность торговли операциями тех или иных районов была различной. Самым насыщенным был огромный регион Промышленного центра России.

Косвенным показателем интенсивности движения товаров могут служить размеры годовых сумм таможенных платежей, поскольку при Петре I продолжала действовать разветвленная сеть внутренних таможен. По данным за 1724—1726 гг. из внутренних провинций наибольшую сумму сборов (141,7 тыс. руб.) имела Московская провинция, что намного превосходило сборы в остальных районах. В Нижегородской провинции сбор

был равен 40 тыс. руб., в Севской провинции 30,1 тыс. руб., в Ярославской провинции 27,7 тыс. руб. Далее идет Новгородская провинция (17,5 тыс. руб.), Калужская (16,5 тыс. руб.), Симбирская (13,8 тыс. руб.), Орловская (13,7 тыс. руб.), Смоленская (12,9 тыс. руб.) и Казанская (11 тыс. руб.) (подсчет наш — *Л.М.*). В остальных российских провинциях интенсивность товарооборота в основном в 2—3 раза слабее (3—6 тыс. руб. таможенных сборов).

Для развития торговли Петр I предпринимает строительство ряда каналов, объединяющих водные пути разных речных бассейнов. Так, в 1703—1708 гг. был построен Вышневолоцкий канал, в 20-х годах через Ивановское озеро были соединены бассейны рек Оки и Дона, выполнены проекты Тихвинского и Мариинского каналов, начато строительство Волго-Донского канала. Правда, последняя стройка заглохла, но была сооружена оборонительная линия, преградившая путь набегам ногайских орд на русские селения Поволжья.

Огромную роль в экономике России петровской эпохи стала играть внешняя торговля. До 1719 г. Архангельский порт имел годовой оборот 2 млн. 942 тыс. руб. (из них экспорт 74,5%). К 1726 г. оборот Петербургского порта достиг 3 млн. 953 тыс. руб. (экспорт около 60%). Правда, оборот Архангельска упал к этому времени примерно в 12 раз.

Традиционным центром торговли со странами Востока была Астрахань. В середине 20-х годов XVIII в. таможенный годовой сбор достигал здесь 47,7 тыс. руб. Если назвать сумму такого сбора по Петербургу (218,8 тыс. руб.), то станет ясно, что обороты астраханского порта были раза в четыре меньше. Но вместе с тем одних «рыбных пошлин» здесь платили до 44,2 тыс. руб., что почти не уступает таможенному сбору и подчеркивает огромную роль астраханских рыбных промыслов.

Особо следует отметить возрастающую роль Рижского порта, годовой оборот которого в середине 20-х годов был свыше 2 млн. руб. (сумма таможенных сборов 143,3 тыс. руб.). Он стал важнейшим после Петербурга центром внешней торговли России, открывшим путь к европейскому рынку огромному юго-западному региону страны. Через Западную Двину за рубеж пошли большими партиями такие громоздкие товары (невыгодные в сухопутном торге) как пенька, лен, парусина, кожи, сало, мед, воск, зерно и т.п. Ведь в те времена торговый путь по Днепру был тупиком не только из-за днепровских порогов, но и из-за враждебности сопредельных государств. Впрочем, в Левобережной Украине был ряд городов, имевших зарубежный торг через осевших там греческих торговцев и местного купечества (Киев, Нежин, Чернигов и др.).

На Балтийском побережье Россия стала использовать и такие порты как Ревель (таможенный сбор 15,7 тыс. руб.), Нарва (10,4 тыс. руб.), Выборг (13,9 тыс. руб.).

Казенные товары и торговые монополии. Внешняя торговля играла очень существенную роль в доходах казны. При Петре I число товаров, которыми торговала только казна, заметно возросло. Это не только икра, рыбий клей, ремень, смольчуг, поташ, но и пенька, семя льняное и конопляное, табак, юфть, мел, соль, деготь, ворванное и квашеное сало, воловья шерсть, щетина, рыбий жир и др. Купцы, когда могли, откупали у казны право торговли тем или иным товаром и становились монополистами. Нередко царь и сам раздавал такие монопольные права. Так, А.Д.Меншиков имел монополию на вывоз дегтя, тюленьих шкур и архангельских рыбопродуктов. С 1719 г. список казенных товаров стал быстро сокращаться. При неурожае государство запрещало вывоз за границу хлеба (правда, торговля зерном была еще очень невелика). Запрещен был вывоз за рубеж украинской селитры.

Уже в ходе строительства крупных мануфактур Петр I стремился защитить молодое предпринимательство, отдельными указами запрещал ввоз из-за рубежа той или иной продукции. Запрет ввоза металлических игл последовал сразу вслед за постройкой игольного завода Рюминых и Томилина. Стоило наладить русское производство полотна, изделий из шелка и чулок, как тотчас ввоз этих товаров из-за рубежа был запрещен. В интересах отечественной суконной промышленности запрещен был вывоз шерсти. Покровительственная по отношению к русским промышленникам политика (совпадающая с принципами меркантилизма) завершилась созданием Таможенного тарифа 1724 г. Этот интереснейший законодательный акт был весьма гибким инструментом торговой и промышленной политики. Он ставил прочный заслон от проникновения даже высококачественных изделий западных стран, если отечественная промышленность вполне удовлетворяла внутренний спрос (пошлина в этом случае составляла 75%).

Этот тариф, конечно, не отвечал потребностям дворянства, заинтересованного в иностранных товарах, да и купечество хотело иных тарифов. В 1731 г. был принят иной тариф, не имевший столь ярко выраженного покровительственного характера.

§ 5. Положение крестьянства, дворянства и купечества

Крестьяне. Тяжелейшее бремя форсированного развития экономики страны, да еще в период тяжелой войны несла, конечно, основная масса населения — крестьянство, составлявшее в это время 92% всего населения страны и разделенное феодальными рас-

порядками на целый ряд категорий (государственные, дворцовые, монастырские и помещичьи).

Внедрение капиталистических технологий в феодальную страну вызвало к жизни еще более тяжелые и изощренные разновидности крепостного состояния: «купленные» к заводам (посессионное крестьянство), «вечно отданные» и т.п.

Расселение крестьян на территории страны к концу первой четверти XVIII в. сложилось следующим образом.

Если государственные крестьяне жили в основном в Черноземье (342 тыс. душ муж. пола), Среднем Поволжье (336 тыс. д.м.п.), Приуралье с Сибирью (292 тыс. д.м.п.) и на Севере Европейской России (около 120 тыс. д.м.п.), то помещичьи крестьяне были сосредоточены в историческом центре страны. В Центрально-Промышленном регионе их насчитывалось 1 млн. 465 тыс. д.м.п. Заметно меньше помещичьих крестьян было в Центрально-Земледельческом регионе (893 тыс. д.м.п.). Наибольшее число крепостных крестьян сосредоточено было в будущих Орловской, Тульской, Курской и Рязанской губерниях. Почти вдвое слабее была населена Тамбовщина, а освоение будущей Воронежской губ. при Петре I по существу только начиналось (38 тыс. д.м.п.) и основным тормозящим фактором заселения была, несмотря на оборонительные линии, опасность крымско-татарских и ногайских набегов с юга. В силу этой же причины очень слабо заселялись регионы Саратова и Астрахани (в будущей Саратовской губернии была всего 1,1 тыс. д.м.п. помещичьих крестьян и около 500 государственных). Когда в 1718—1720 гг. после жестокого рейда кубанской орды ногайцев, проникнувших вплоть до Пензы, Петром I была построена между Царицыном и Доном укрепленная черта (Земляной вал и ров с оборонительными городками), в регионе сразу же стала «селитьба умножаться» и появилось земледелие («ныне хлеб довольно родиться»). «И тако з божьею помощию Низовая Украина от тех кубанских набегов успокоена». Очень мало помещичьих крестьян было на Севере Европейской России — всего чуть более 68 тыс. д.м.п. (Олонец, Архангельск и Вологда). Зато на Северо-Западе (в регионе Петербурга, Новгорода, Пскова) их было свыше 254 тыс. д.м.п. Дворцовых крестьян было в России в целом 509 тыс. д.м.п.

На особом положении была Прибалтика, давшая приращение населения России всего около 278 тыс. д.м.п. Население Левобережной Украины в пределах Киевской губернии, поделенной на десять полков, составляло 220282 д.м.п. (включая казацких вдов). Из них посполитых (крестьян) было 106 тыс. д.м.п., а казаков около 69 тыс. д.м.п. Наконец, в землях Войска Донского было всего 29 тыс. д.м.п. вольных казаков. Края эти постоянно подвергались набегам, и поэтому обживались с большим трудом.

Таким образом, в конце XVII — первой четверти XVIII в. интенсивно осваивались, главным образом, земли Центрально-Земледельческого региона и Среднего Поволжья (2,3 млн. д.м.п.) и лишь отчасти Северного Приуралья (Вятская и Пермская губ. — 277 тыс. д.м.п.) и Сибири (будущие Тобольская, Томская и Иркутская губ. имели свыше 241 тыс. д.м.п., а так называемое иноверческое население достигало 71,7 тыс. душ). В будущей Оренбургской губ. крепостных крестьян было всего 16 тыс. д.м.п. и свыше 92 тыс. д.м.п. неподатного населения. В итоге в России в целом к началу 20-х годов XVIII в. общая численность населения была равна 15,6 млн. чел. (подсчет по данным В. М. Кабузана).

В конечном счете совершенно очевидно, что, несмотря на всю привлекательность плодороднейших, безлюдных, хотя и засушливых, южных районов Причерноморья, освоение их Россией было еще делом преждевременным и непосильным. Надо было обладать в Причерноморье не только людскими ресурсами, продовольственной и промышленной базами, но и гораздо более могучими военными силами, чем те силы, которые создал Петр I, чтобы выйти не только в Черное море, но и добиться возможности прохода судов через проливы. А этому противилась не только Турция, но и Европа.

Поэтому переориентация Петра I на освоение Балтийского побережья не была случайной, хотя, в свою очередь, поворот экономики страны на выход к балтийским портам был сопряжен, в свою очередь, с громаднейшими трудностями.

Одна из них — необходимость строительства и усовершенствования водных путей и выхода их к новому Петербургскому порту. Десятки тысяч крестьян, насильно мобилизованных государством, в течение многих лет рыли огромные каналы, строили верфи, шлюзы и плотины, мостили дороги, строили большое количество крепостей, заводов, фабрик. В болотах и болотистых равнинах в устье Невы огромные массы крестьян, собранных со всей страны, строили новую столицу России Санкт-Петербург.

Крестьяне России составляли и основной костяк армии и отчасти флота. В период с 1699 г. по 1714 г. в армию было забрано свыше 330 тыс. даточных людей и рекрутов. А ведь это были, как правило, самые крепкие и самые активные по характеру люди. С 1705 г. одного рекрута забирали от 20 дворов, что для крестьянства было немалой нагрузкой на людские ресурсы. Лишь с 1714 г. норма снизилась: один рекрут от 40 дворов, а с 1715 г. даже от 75 дворов.

На государственных крестьян легла особо тяжелая в период Северной войны подводная повинность. Доставка в армию продовольствия, фуража, боеприпасов и вооружения. Десятки городских посадских общин, не говоря уже о крестьянах, несли постоянную

повинность, помещая в свои дома офицеров, солдат, рекрутов, снабжая кормом лошадей и т.п.

Организация основной системы водного транспорта, сводящаяся главным образом к подъему судов против течения рек, вызвала к жизни все время возрастающий отход больших масс крестьянства на речной судоходный промысел. С далекого Урала накопленный за целый год запас железной продукции на тысячах подвод подтягивался к рекам и речкам, мало-мальски пригодным к сплаву, погружался в суда и барки и по весенней воде буквально в 12-15 дней спускался по Чусовой и Каме в Волгу. Опоздаешь — жди следующего года.

Тяжесть труда, жестокие условия вечно скитальческой, полевой жизни на работах, недостаток питания все это уносило тысячи и тысячи жизней. Казалось бы цель была предельно проста: взять у Западной Европы передовую технику и технологию. Но на деле это обернулось резким ужесточением крепостного режима, появлением на свет такого феномена как промышленный труд на крепостной основе.

Есть основания предполагать, что первое десятилетие Северной войны привело к заметному сокращению населения страны. С 1678 г. по 1710 г. податное население сократилось (в дворовом исчислении) с 791 тыс. дворов до 637 тыс. дворов. В районах, ближайших к военным действиям, эта убыль доходила до 40%.

К концу второго десятилетия, по данным первой ревизии 1719—1722 гг. общее число всех крестьян России, платящих государственную подать, составило 6552377 душ муж. пола. Из них только помещичьих крестьян было 3193085 д.м.п. Введенная Петром I подушная подать для огромного числа государственных крестьян (1 млн. 700 тыс. д.м.п.) означала резкое увеличение платежей. Ведь помимо обычного семигривенного подушного оклада, на них возложили «вместо помещикова дохода» еще четыре гривны. Иначе говоря, государственные крестьяне стали платить и налог, и феодальную ренту (оброк) в пользу государства, точно также как платили оброки и выполняли барщину помещичьи крестьяне.

Механизм взимания подушной подати был сведен к тому, что после первой ревизской переписи населения, а она учитывала поголовно все мужское население, было введено понятие «ревизская душа». Попав в государственные фискальные документы («ревизские сказки» и сводные ведомости), такая «душа» платила подати вплоть до следующей ревизии («платила» она даже, если реальный человек умер).

Реально размеры платежей с каждого крестьянского двора устанавливала, исходя из спущенной сверху суммы, крестьянская община (ведь формально подать платили и

груднички–мальчики и глубокие старики). В реальности же платежи государству были выше и усугублялись произволом и лихоимством сборщиков податей. Так, крестьяне Иверского монастыря в Старорусском уезде за 1700—1708 гг. фактически заплатили с каждого двора по 16 руб. 12 коп. В 1719 г. в кашинской вотчине П.Бутурлина итоговые затраты двора на казну достигали 15 руб., а в его воротынской и перемышльской вотчинах — 12 руб. в год. А ведь у помещичьих крестьян, платящих в казну подать в 74 коп. с души м.п., были немалые повинности в пользу своего феодала-владельца. Помещичий оброк был часто равен не 40 коп., а выше. Основная масса крестьян (около 62%) помимо оброка выполняла на помещика и барщинные работы. Там же, где был денежный оброк, крестьяне поставляли помещику еще и столовые припасы, то есть снабжали говядиной, бараниной, курами, яйцами, гусями, утками, маслом, медом, грибами, орехами, холстом и т.п.

Самым тяжелым для крестьян была помещичья барщина, особенно в период летних работ. На барина пахали и сеяли в лучшее для этого время, жали хлеб в первую очередь. На себя же крестьянин сеял позже и убирал позже, когда хлеб уже осыпался или был побит непогодой. Да и времени на себя крестьянину оставалось очень мало.

Вполне логично, что бремя эксплуатации крестьяне часто не выдерживали и пускались в бега. И, конечно, бежали на юг: туда, где была воля, туда, где было больше земли, туда, где было теплее. Только за 1719—1727 гг. было зафиксировано при проверке ревизии 198,8 тыс. душ беглых крестьян. Однако уже к концу правления Петра I система сыска была столь сильна, что довольно часто беглого возвращали владельцу. Кроме того, целая серия указов ужесточила наказание за утайку беглого крестьянина, начиная от штрафа и до ссылки на галеры. В 1700—1710 гг. было издано 6 указов о беглых, в 1711—1720 гг. — десять указов, а в 1720—1725 гг. — 30 указов. Система выделения в каждой вотчине сотских, пятидесятских и десятских ввела неусыпный контроль над каждым крестьянским домом, фиксируя ежедневно появление каждого постороннего.

Города и купечество. По данным И.Кирилова, в первой четверти XVIII в. в России было 336 городов. В 125-ти из них были деревянные, а изредка и каменные крепости. Свыше 30 городов имели земляные укрепления и валы. Остальные города либо вообще не имели укреплений, либо утратили их в результате пожаров. Часть городов представляла собой просто военные крепости. Торгово-промысловое население было лишь в 189-ти городах России. В начале XVIII в. население городов было небольшим, да и сами города, как правило были невелики. По итогам первой ревизии с восполнением всех сокрытий податное городское население (торгово-промысловая его часть) насчитывало всего 295 793 чел. муж. пола (включая сюда Левобережную Украину). Таким образом посад составлял

лишь около 3—4% населения страны. В среднем на один город приходилось чуть более 1,5 тыс. чел. муж. пола. Более двух тысяч чел. муж. пола имело в России лишь три десятка городов. Торгово-промышленное население Москвы по первой ревизии составляло 13673 чел. муж. пола, в Ярославле 8484 чел. муж. пола, Калуге 6400 чел. муж. пола, Болхове 3746 чел. муж. пола, Олонце 3656 чел. муж. пола, Архангельске с Холмогорами 2875 чел. муж. пола, Твери 2846 чел. муж. пола, Орле 2773 чел. муж. пола, Вологде 2622 чел. муж. пола, Угличе 2576 чел. муж. пола, Новгороде 2570 чел. муж. пола.

Русские города были, как правило, без плотной застройки. Точнее, такая застройка занимала лишь центр города. В остальной части это были довольно просторные, раскидистые поселения с многочисленными садами, огородами. В малых городах были и пашни, и выгоны для скота.

Распределение посадского населения по регионам (в рамках границ будущих екатерининских губерний) было следующим. В Центрально-Промышленном регионе (7 губерний) насчитывалось 80151 чел. муж. пола (3,5% всего населения региона). Наибольшая численность посадского населения приходилась на Московскую (5,3%), Ярославскую (4,25%), Калужскую (4%) и Тверскую (3,9%) губернии. Меньше всего посадских было во Владимирской (1,9%) и Нижегородской (2,3%) губерниях. Вместе с тем именно в этом регионе еще с XVII в. большое развитие получили торгово-промысловые села.

Примерно тот же удельный вес городское податное население имело и в Центрально-Земледельческом регионе (54572 чел. муж. пола или 3,5%). На первом месте здесь идут Тульская (6,4%), Воронежская (4,58%) и Орловская губернии (4,1%). Меньше всего численность посадского населения была в Курской (2%) и Рязанской губерниях (2,2%). Для Северо-Запада России (будущие Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая губернии) наибольший процент посадского населения был равен 5% (в Олонецкой даже 6,6%). Однако в последнем случае повышение доли городского податного населения объясняется общей слабой заселенностью края. То же самое характерно и для Нижнего Поволжья, где посадское население достигло 9,2% (а в пустынной Саратовской губернии даже 66%!). Особенно высок в силу тех же причин удельный вес городского податного населения в Восточной Сибири (Томская губ. — 14%, а Иркутская — 20%). Вековые порядки городского самоуправления *местечек* во многом объясняют высокий удельный вес податного населения в Левобережной Украине (7%).

Хотя в целом доля городского населения в России оставалась очень небольшой, фактическая населенность городов была существенно большей из-за сезонного притока в

город торгово-промыслового крестьянства. Формально не принадлежа к городскому населению, многие тысячи крестьян существенную часть года жили и работали в городах.

К сожалению, нет полных данных о неподатной, привилегированной части населения городов России. Ее долю можно определить лишь очень приблизительно. По наиболее полным данным доля неподатного населения всей страны (по первой ревизии) достигала 6,1 % или 444 тыс. чел. муж. пола. В городах, конечно, жила только часть его. В наиболее крупных городах доля неподатного населения могла быть большей. Так, в 1701 г. в Москве податное население посада составляло около 42% (6903 дворов), а неподатное население — 53,7%. В Твери неподатная часть населения достигала в 1728 г. 31,1%. Разумеется, в большинстве городов России неподатное население было очень небольшим. Но в южных городах России его доля резко возрастала за счет военного люда. В так называемых аграрных городах большинство населения составляли люди, занимающиеся «черною и огородною работой».

Как уже говорилось, в конце XVII в. посадская структура управления подверглась существенным переменам. Земские старосты, таможенные и кабацкие головы сменились бурмистрами и земскими избами, в Москве появился главный для всех посадов России орган управления — Бурмистерская палата или Ратуша. Все денежные сборы были изъяты у воевод и шли в Бурмистерскую палату. Но в 1708—1710 гг. земские выборные бурмистры стали подчиняться губернаторам, а сбор налогов перешел к губернским канцеляриям. «Храмина российского купечества» была «рассыпана». Примерно через 8 лет снова грянули перемены. Были созданы городские магистраты. Выборы в них проходили под наблюдением местных губернаторов, а итоги утверждали в столице, в Главном магистрате. Бурмистры и ратманы выбирались пожизненно, а за заслуги могли быть пожалованы в шляхетство (т.е. в дворянство).

Магистраты вели статистический учет населения, распределяли налоги и повинности, размещали войска на постой, следили за деятельностью предприятий города, руководили избранием городских старост и старшин, устраивали ярмарки и т.п. В магистратах велись и решались уголовные дела, различного рода тяжбы, магистраты контролировали процедуры взвешивания и измерения габаритов товаров и т.д. На магистраты была возложена функция контроля въезда и выезда из города, паспортный контроль и т.п. В 1727 г. магистраты вновь превратили в ратуши.

По регламенту Главного магистрата 1721 г. все население делилось на неподатное и податное. К первым относились дворяне, духовенство, военные, иностранцы и наиболее искусные ремесленники, получившие статус мастера (с момента организации цехов). Ос-

тальное население города, платящее государству подать в 1 руб. 20 коп. делилось на «регулярное» и «подлое». К регулярному, состоящему из двух гильдий, относились наиболее состоятельные люди. К первой гильдии были причислены наиболее крупные купцы, ростовщики, а также серебряники, золотари, иконники, живописцы, аптекари, доктора и т.д. Во вторую гильдию входили мелочные торговцы и ремесленники. С 20-х годов в особую организацию цехи выделились ремесленники, куда входили уже упомянутые мастера, а также подмастерья и ученики. Остальной люд города — «кормящиеся черною работою», лишённые права участвовать в посадском самоуправлении.

Купцы и ремесленники судились в своих городских магистратах, однако купцы-промышленники, владельцы мануфактур подлежали суду в Берг-коллегии и в Мануфактур-коллегии. Больше того, они освобождались от казенных и от городских служб.

Положение торгово-ремесленной части города в эпоху Петра I было необычайно тяжелым. На посад, как и на крестьянство, были взвалены большие налоги и повинности. С начала века наряду со старыми налогами (стрелецкие деньги, ямские деньги, полонянничные деньги и т.п.) были возложены и новые (драгунские деньги, корабельные, рекрутские и т.п.). Кроме постоянных, хотя и менее многочисленных налогов, горожан донимали разного рода «запросные сборы».

На купцов и торговцев города и деревни при Петре обрушилось множество новых платежей, изобретенных специальными «прибыльщиками». Например, знаменитые петровские взимания за ношение старой русской одежды, за ношение бород (с купцов — по 100 руб., с дворян — по 60 руб., с простых горожан — по 30 руб.). С крестьян за бороду брали при въезде и выезде из города по одной деньге. Вместе с тем были упорядочены торговые сборы. Пестрота их сменилась единой «рублевой пошлиной» (5% с цены сделки). Тяжким бременем на посадской общине лежали различного рода мобилизации на работы и службы в казенных и городских структурах.

Многолетний тяжелейший налоговый пресс и груз повинностей привели к тому, что в начале века население городов, как и крестьянство, стало изрядно убывать (начиная с 1678 г. примерно на 10%). Лишь к концу правления царя-преобразователя уровень городского населения стал постепенно восстанавливаться.

Дворянство. По неполным и не вполне точным данным, в конце XVII в. дворян-землевладельцев было свыше 15 тыс. чел. В их собственности было, по явно заниженным сведениям, 360—380 тыс. дворов. У духовенства в конце XVII в. было 126—146 тыс. дворов.

Уже к концу XVII в. резко выделяется очень небольшое число крупнейших землевладельцев и собственников крепостных душ. По 500 дворов и более имело всего 69 чел. (0,46%), а владельцев 1—2 тыс. дворов было всего 13 чел. (0,09%). Самых же крупных магнатов, имевших более 2 тыс. дворов было всего 5 человек (из них князь М.Я. Черкасский имел более 9 тыс. дворов). В число двух десятков крупнейших душевладельцев входили представители старинных княжеских кланов: П.А. Голицын, П.М. Долгорукий, Ю.Ю. Одоевский, Я.Н. Одоевский, А.П. Прозоровский, П.И. Прозоровский, А.И. Репнин, Н.П. Репнин, И.Т. Троекуров и др. К ним примыкали менее родовитые, но близкие царю Петру родичи (Нарышкины свыше 7 тыс. дворов, Лопухины свыше 3 тыс. дворов и т.д.). В 1696—1698 гг. дворян, владевших 100 и более дворами, было 535 чел. (3,5%). У них было 45% всех дворов (170 тыс. дворов). Оценивая населенность двора в 6 д.м.п., мы получим общее число д.м.п. крепостных у этой группы дворян в 1 млн.20 тыс. д.м.п. (что, видимо, близко к истине).

К сожалению, данные о владении крепостными крестьянами не могут быть дополнены сведениями о землевладении, поскольку специфичность российского общества состояла, в частности, в том, что очень многие земельные владения были совместными или частично совместными для двух-трех-четырёх и более помещиков.

Тем не менее, основная особенность в развитии дворянского земле- и душевладения за четверть века видна довольно четко. Прежде всего, размеры крупнейшего душевладения остались почти неизменными. Эта группа дворянства в 1719—1727 гг. насчитывала 617 чел. и, видимо, увеличение ее произошло за счет ближайшего окружения царя. У них к началу 20-х годов было 788 тыс. д.м.п., что в переводе на дворы, считая на двор по 4 д.м.п., составит примерно 197 тыс. дворов. В среднем на владельца придется по 319 дворов (или 1277 д.м.п.). При очень незначительном увеличении этой группы характер распределения крепостных душ не изменился (как, вероятно, не изменилось и землевладение).

Разумеется, рост дворянского душевладения и землевладения шел за счет государственного и дворцового крестьянства. За 28 лет с 1682 г. по 1710 г. было роздано 273 дворцовых волости, в которых находилось 43,9 тыс. дворов. Петр I в начале века щедро одаривал своих приближенных, отнюдь не знатного происхождения (А.Д.Меншиков до 1710 г. получил 2157 дворов, Б.П.Шереметев — 2408 дворов, адмирал Ф.А.Головин — 110 дв., В.Брюс — 634 дв. и т.д.). Проводя широкие дипломатические маневры, Петр I одаривал и знатных иммигрантов (грузинский царь Арчил Вахтангович получил 3,3 тыс. дворов, молдавский господарь Дм.Кантемир — 700 дворов, сыновья князя М.Я.Черкасского

— 7 тыс. дв.; получили русских крестьян грузинские князья Дадиановы, Багратионы, Манвеловы и т.п.). К концу правления Петра I его фаворит, светлейший князь А.Д. Меншиков приобрел всеми правдами и неправдами около 100 тыс. д.м.п. Есть мнения ученых, что только из дворцового фонда Петр I роздал около 175 тыс. душ м.п. За 1719—1727 гг. есть данные и о среднем слое дворян-землевладельцев, имевших от 100 душ м.п. до 500 душ м.п. Их было 5019 чел. (7,9%). В то же время помещиков, имевших не более 100 д.м.п. в начале 20-х годов насчитывалось 58835 чел., что составляло 91,3% всех землевладельцев в Европейской России. Среди них подавляющая масса помещиков была мельчайшими душевладельцами (не более 20 д.м.п. имели 38310 чел. или 59,5%). Но им принадлежало всего-навсего 304874 д.м.п. или 9,5% всех крепостных помещичьих крестьян.

Здесь мы сталкиваемся с главной особенностью в развитии класса дворян, заключающееся в резком увеличении его численности (хотя определять точные цифры роста рискованно). К 1719—1727 гг. общее число землевладельцев в России достигло 64471 чел. (с конца XVII в. увеличение в 2—4 раза). Вполне понятно, что интенсивная колонизация и земельные приобретения России в первой четверти XVIII в. лежат в основе столь стремительного увеличения дворянства. Ряды петровского дворянства, видимо, в немалом числе пополнили ратные люди. Наконец, еще один немалый источник роста мелких душевладельцев состоял в процессе дробления поместий.

Во всяком случае, изданный 23 марта 1714 г. указ о единонаследии был продиктован реальными процессами в среде господствующего класса. Петр I стремился прекратить стихию измельчания поместий введением правила передачи поместья только одному из сыновей (а если в семье лишь одна дочь, то ей), с тем, чтобы остальные шли на государственную, гражданскую или военную службу. Однако дворяне дружно игнорировали нововведение и уже в 1730 г. оно было отменено. Зато другое положение указа о единонаследии было решительно поддержано. Речь идет об окончательном уравнивании статуса поместья со статусом вотчины. Несмотря на то, что в этой части указ практически осуществлен был лишь в 30-е годы XVIII в., он имел громадное значение в укреплении материального и социального статуса широких кругов дворянства и прежде всего того мелкого и мельчайшего дворянства, которое получало в раздачу вновь осваиваемые земли Юга и Среднего Поволжья.

Уравнивание статуса поместья и вотчины имело немалое экономическое значение, стимулируя развитие вотчинного господского хозяйства. Ведь в XVII в. в большой части поместий, особенно мелких, не было господских усадеб, то есть не было собственно господского хозяйства. С указом 1714 г. появился стимул для роста числа таких хозяйств. В

первой четверти XVIII в. появляются первые хозяйственные инструкции владельцев поместий для своих управителей-приказчиков.

Среди важнейших событий в жизни российского дворянства петровской эпохи было принятие 24 января 1722 г. «Табели о рангах» — государственного закона, создавшего своеобразную иерархию служебных разрядов и систему продвижения государственных чиновников, военных и лиц, состоящих при царском дворе. Все должности были поделены на две категории: военные и штатские. В каждой из категорий было 14 рангов или классов, строго соотносящихся между собой, каждая штатская должность имела определенный военный эквивалент. Первый ранг во всех категориях был высшим (генерал-фельдмаршал, генералиссимус, адмирал, генерал-адмирал, генерал от инфантерии, от артиллерии, от кавалерии, а также канцлер, а позднее действительный тайный советник). Последний 14 класс составляли соответственно должности корнета, прапорщика и коллежского регистратора. Отныне принцип приоритета знатности и родовитости при занятии должности навсегда уступил место принципу выслуги и полной последовательности прохождения всех рангов.

Петр I вводит ряд мер, заставляющих дворян соответствовать тем рангам, которые они в силу обязательной службы должны были занимать. С 1714 г. все дворянские дети должны были обучаться цифире и геометрии. Хотя большинство дворян должны были начинать воинскую службу с солдатского «фундамента», перед ними была открыта дорога в Морскую, Артиллерийскую и Военную академии. Служба в привилегированных полках (Преображенском, Семеновском и др.) тоже служила своего рода образовательным этапом в карьере. Функции контроля за дворянской службой и обучением выполняли дворянские смотры (например, смотры 1721—1722 гг.) и герольдмейстерская служба.

С «Табелью о рангах» чиновничий класс резко обособился от низшей бюрократии. При Петре I чиновник, начиная уже с 14-го класса, получал личное, а с 8-го класса — потомственное дворянство. Для военных чинов потомственное дворянство обреталось уже с 12-го класса.

Чиновники всех рангов, также как и дворяне-землевладельцы, входили в разряд неподатных групп населения. Вся эта группа населения составляла, включая сюда женщин в количестве, равном числу мужчин, всего лишь примерно 7—8% населения России. А ведь основная часть ее являлась своего рода несущими конструкциями всей структуры самоорганизации общества, выполняла все государственные функции (административное и хозяйственное управление, судебное-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культурные функции и т.д.). Столь незначительная чис-

ленность этого слоя ярко отражает крайнюю упрощенность самой системы самоорганизации российского общества. Такая упрощенность была прямым следствием слабого развития производительных сил, следствием низкого объема получаемого обществом совокупного прибавочного продукта. Даже в канун реформы 1861 г. на долю этих групп общества приходилось всего около 12% населения страны.

И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная. А государственные рычаги, несущие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления. Это, видимо, составляло важнейшую особенность российской государственности.

Констатация примитивности структур самоорганизации российского общества еще резче подчеркивает колоссальную эффективность петровских преобразований, приведших к резкому подъему важнейших отраслей промышленности, наращиванию военной силы государства и создания пространственно-географических условий своего экономического развития. Немалую роль в этом наряду с народом-тружеником, с крестьянством, сыграло и российское дворянство.